

На балконе в номере с видом на море было очень просторно. Там имелось подвесное кресло кораллового оттенка, установлено которое было весьма надежно. В отличие от обычных неустойчивых подвесных кресел, это было прямоугольной формы и слегка напоминало качели. К тому же оно было очень широким, и места на нем с лихвой хватало даже для двух человек. Поверх сиденья была уложена подушка, специально подготовленная отелем. Когда Жэньцзы опустил на нее свою задницу, та почувствовала себя так, словно опустилась на облака. Покачиваться на ней было довольно забавно.

Перед ним расстилалось бескрайнее темно-синее море. В такие вечера море должно было становиться темным до черноты, но из-за горящих огней оно едва заметно мерцало, чего невозможно было бы увидеть при свете дня.

Едва оказавшись в номере, Жэньцзы ринулся на балкон, где плюхнулся в подвесное кресло и принялся раскачиваться на нем. Но при этом он не забыл оставить возле себя местечко и для своего возлюбленного. Гу Сяошань не сразу к нему подошел, а похоже, сначала чем-то занялся в комнате. Жэньцзы слегка заскучал и уже собирался было спросить у Гу Сяошаня, чем он там занят, когда тот пришел сам и, принеся с собой ведро со льдом, поставил его на круглый ротанговый столик, стоявший неподалеку от кресла. Жэньцзы вытянул шею, заглядывая в него. В ведре оказались банки с пивом, чем он остался вполне доволен. В конце концов, он любил время от времени выпить.

Держась за край сиденья одной рукой, другой Жэньцзы взял за руку Гу Сяошаня. Он почувствовал, что и то, и другая были прочными и надежными, отчего он почувствовал себя в полной безопасности.

- Где твой телефон? - спросил Гу Сяошань.

Жэньцзы похлопал себя по карманам:

- Ой, точно, где же он?

- Ты разбрасываешь и забываешь свои вещи повсюду. Ты оставил его на стойке регистрации и совершенно забыл об этом. Я забрал его вместо тебя, и сейчас он на столике в комнате. Хочешь я его тебе принесу?

Жэньцзы и без телефона было неплохо:

- Забудь, незачем ради этого бегать туда и обратно. Мы пришли сюда, чтобы полюбоваться фейерверком, кому есть дело до телефона? Неважно, просто пусть лежит там. К тому же, в отличие от тебя, у меня не так много дел, которым требуется мое внимание.

- И почему твоя последняя фраза прозвучала как жалоба? - рассмеялся Гу Сяошань.

- Я не это имел в виду, - тут Жэньцзы замолчал. - Но раз уж ты сам об этом упомянул, то я продолжу. Всякий раз, когда ты выбираешься поесть или развлечься со мной, ты постоянно смотришь на свой телефон и отвечаешь на все звонки.

На самом деле Жэньцзы с самого детства прекрасно понимал, когда люди "заняты делом". Он чувствовал себя очень счастливым уже от того, что Гу Сяошань находил время поесть и повеселиться с ним вместе, и в действительности не возражал против того, чтобы Гу Сяошань занимался рабочими делами, находясь рядом с ним.

Усевшись рядышком с Жэньцзы, Гу Сяошань вытащил свой телефон и постучал пальцем по его экрану:

- Смотри, я перевел его в беззвучный режим.

Жэньцзы никогда бы не попросил своего возлюбленного, время которого было расписано по часам, бросить все и составить ему компанию. Просто перевести телефон в беззвучный режим было достаточно, чтобы на его лице просияла яркая радостная улыбка.

Гу Сяошань переключился на список уведомлений и продемонстрировал его Жэньцзы:

- Видишь, у меня сегодня не было ни одного входящего звонка, - Гу Сяошань даже изобразил смущение, словно пытаясь умаслить его. - Я специально переадресовал все свои звонки Сюй Юньюнь. Я ведь уже сказал, что у нас с тобой романтическое свидание, и я бы ни за что не позволил своей работе убить всю его атмосферу.

Гу Сяошань решил самому себе дать выходной, чтобы провести это время с Жэньцзы. Конечно, если бы в самом деле возникла проблема, требующая немедленного решения, Гу Сяошань не смог бы "принести в жертву страну ради улыбки красавицы", потому что он и назначил Сюй Юньюнь на роль "пропускной станции". Она могла связаться с ним только в том случае, если появится что-нибудь чрезвычайно срочное.

Когда Жэньцзы услышал это, у него широко распахнулись глаза. Он не стал тратить драгоценное время на то, чтобы пожалеть Сюй Юньюнь, из которой сделали "пропускную станцию". Он обвил своей рукой руку Гу Сяошаня и с улыбкой посмотрел на него:

- Это так прекрасно! Тебе следовало раньше мне об этом сказать, тогда я сегодня был бы во много раз счастливее!

Гу Сяошань совершенно не ожидал, что этот его поступок сможет до такой степени обрадовать Жэньцзы, и слегка удивился:

- Я действительно не ожидал, что тебе может понравиться тот факт, что я отложил все дела.

Жэньцзы поразмыслил об этом, а затем его глаза изогнулись от широкой улыбки:

- Наверное, это потому, что мне нечасто удавалось стать важнее работы! Даже папа не относился ко мне с таким обожанием!

Гу Сяошань, похоже, разобрался, в чем было дело.

Как его, так и Жэньцзы воспитывали отцы-одиночки, причем вышло так, что эти отцы-одиночки оказались отпетыми трудоголиками. Когда они были маленькими, им очень не хватало внимания своих отцов. Эти отцы пропустили множество важных событий их детства. Привыкнув к тому, что те все время заняты своей работой, они оба выросли "благоразумными детьми", которым пришлось с пониманием относиться к своим отцам. Со временем они выросли, но так и привыкли считать, что работа превыше всего, поэтому никогда не возражали, когда эта самая работа вторгалась и пожирала их личное время. Вращаясь в "кругу президентов", они не придавали такого большого значения балансу между работой и личной жизнью, как это делали обычные штатные работники.

Гу Сяошань улыбнулся:

- Если бы твой отец услышал эти слова, он непременно пришел бы в ярость, заявив, что ты ругаешь его.

- Он в любом случае меня не услышит! - Жэньцзы остался хладнокровен, как огурец.

Гу Сяошань рассмеялся:

- Возможно, это прозвучит странно, но если говорить о том, как позаботиться о тебе, твоему отцу навряд ли удастся сравниться в этом со мной.

Жэньцзы это высказывание тоже показалось очень странным, чудным и забавным, так что он захихикал. Его смеху завторила музыка, донесшаяся со стороны моря. Скорей всего, это было своего рода вступление для фейерверка. Собравшаяся внизу толпа постепенно заволновалась, тогда как Жэньцзы с Гу Сяошанем по-прежнему преспокойно сидели рядышком в подвесном кресле, наслаждаясь теплым вечерним бризом.

Гу Сяошань снова заговорил:

- На мой телефон никто не звонил, но я заметил, что тебе пришло несколько сообщений от Шу Цзиньи.

- Хм? - Жэньцзы не увидел в этом ничего плохого. - Правда?

- Что ему от тебя нужно? - спросил Гу Сяошань.

Жэньцзы на самом деле не заботили сообщения господина Шу, и ему было лень даже думать об этом:

- Кто его знает?

В этой обстановке Гу Сяошань немного расслабился, но из-за этого дела его ярость снова поднялась до опасной отметки. Почувствовав на себе давление его невидимой ауры, Жэньцзы слегка растерялся:

- Б-брат Сяошань...

- Мм? - Гу Сяошань приподнял бровь. - Почему ты так ко мне обращаешься?

Жэньцзы только после этого осознал сказанное:

- Я, я не знаю...

Гу Сяошаню всегда казалось, что "брат Сяошань" звучит очень приятно, и ему нравилось слышать эти слова. Таким образом, он решил смириться и дать Жэньцзы еще один шанс. Так что он улыбнулся и произнес:

- Я чувствую, что сегодня с тобой не все в порядке, я прав?

- Что-то не так? - удивился Жэньцзы.

- Мы с тобой не виделись всего несколько дней. Но, увидев меня сегодня, ты казался сильно обеспокоенным. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

- Эм... - Жэньцзы хорошенько поразмыслил над этим и честно кивнул. - Я действительно хотел сказать тебе кое-что, но... мне кажется, что это может прозвучать неприятно...

- При наших отношениях нам все еще нужно беспокоиться об этих "приятно" и "неприятно"? - улыбнулся Гу Сяошань. Его подобные ивовым листьям глаза изогнулись еще сильнее от этой улыбки, напоминающей хитрого лиса. - Расскажи мне об этом, а я послушаю.

Сердце Жэньцзы зачастило с ударами, и он наконец-то высказал то, что было у него на сердце на протяжении последних нескольких дней:

- Я... я хочу... я хочу, чтобы ты поцеловал меня так же, как тем вечером...

Гу Сяошань ошеломленно застыл.

На миг он по-настоящему растерялся.

И как ему это понимать? Сказанное Жэньцзы не являлось тем самым "верным ответом", который ожидал услышать Гу Сяошань. Но сказать, что ответ Жэньцзы был неверным или плохим, тоже было бы нехорошо. Гу Сяошань не мог толком ни разозлиться, ни обрадоваться; но при этом он все равно чувствовал и радость, и злость.

Это было сложно, слишком запутанно.

Увидев ошеломленного его признанием Гу Сяошаня, Жэньцзы решил, что тот еще не разобрался, что он имеет в виду. Поэтому он с залившимся краской лицом грубовато проговорил:

- За исключением того раза, ты всегда целовал меня как ребенка... Не то чтобы это было так плохо. Мне немного нравятся и такие поцелуи. Но... Ты понимаешь, о чем я? Раз уж ты сам спросил, я решил признаться тебе откровенно. Я хочу настоящего поцелуя, ясно тебе?

- Да, я тебя понял, - улыбнулся Гу Сяошань. - Я тоже хочу признаться, что желаю такого поцелуя, - сказав это, он сделал паузу, словно ожидая, когда доносящаяся с берега музыка заглушит его голос, а затем наклонился поближе, и тихий звук его голоса приласкал ухо Жэньцзы: - Если честно, то я хочу большего.

Почти одновременно с берега донеслись напоминавшие выстрелы звуки разрывающихся петард. Фейерверк всегда сопровождался сильным шумом, настолько громким, что Гу Сяошань не мог сказать наверняка, услышал ли Жэньцзы его слова. К счастью, он вовремя заметил отчаянно покрасневшие уши своего возлюбленного.

В этот момент Гу Сяошаню показалось, что все те сложные вещи не так и важны.

Услышав звуки взрывающихся петард, Жэньцзы неосознанно откинул голову. Однако он не увидел ни единого фейерверка, только глаза Гу Сяошаня, которые сияли еще ярче, чем вспышки на небе. Жэньцзы словно увидел в его глазах туманное отражение себя самого, но ему показалось, что подобное невозможно, похоже, то был лишь плод его воображения. Пораженный он закрыл глаза, и тут же его рот накрыли горячие губы Гу Сяошаня. Они подарили ему то, чего он желал: поцелуй, совершенно не похожий на те, которыми одаривают ребенка.

Этот поцелуй был только для взрослых.

Жэньцзы никак не мог разобрать, был ли звук, стоящий в его ушах, взрывами фейерверка или его собственным сердцебиением.

Этот звук отдавался в ночи.

Подвесное кресло оказалось очень надежным, даже необычайно надежным.

Его основание поддерживали четыре прочных металлических столба, а подвешено оно было на двух толстых металлических цепях - оно не могло быть еще более надежным.

Но даже так это кресло постоянно раскачивалось из-за действий этих двух человек. Однако ни у кого из них не было времени переживать, не обрушится ли оно. Жэньцзы был так опьянен, что у него просто не оказалось лишней минутки подумать об этом. Что касается Гу Сяошаня, то он уже обо всем позаботился.

Он был из тех людей, которые всегда и ко всему прекрасно готовы, поэтому перед их свиданием он хорошенько изучил как ресторан, так и номер в отеле, из которого открывался вид на море.

Таким образом, когда ему представилась такая возможность, он преспокойно откопал в стоявшем неподалеку ведерке со льдом заранее припрятанную там баночку смазки.

Он полностью подготовился.

Чтобы этот избалованный молодой господин не почувствовал холода, Гу Сяошань согрел охладившуюся льдом смазку своими руками, прежде чем поместить ее в то место, для которого она и предназначалась. Но, хотя он действовал невероятно заботливо, Жэньцзы все равно невольно охватила дрожь.

В таком виде он мог вызывать жалость. Его увлажнившиеся глаза были опущены, отражая сверкающие в небе огни фейерверка. От боли у него на глазах выступили слезы, соленые, как морская вода. Охватив взглядом эту картину, Гу Сяошань поцеловал уголки его глаз. Жэньцзы закрыл их, прикусил губу и пару раз вскрикнул.

"Это больно".

Это было совершенно не так, как в его сне о 2028-ом, когда он испытывал лишь чистое удовольствие!

Тот сон действительно не имел ничего общего с реальностью.

Гу Сяошань утешил его:

- Поболит всего мгновение, очень скоро вся боль уйдет.

- Обманщик, - тихонько попенял ему Жэньцзы. - Ты ведь только что сказал, что больно не будет.

Но даже так Жэньцзы продолжал крепко обнимать Гу Сяошаня. Гу Сяошань тихо нашептывал на ухо Жэньцзы множество слов, и все они были бесстыдными. Это заставило Жэньцзы в сильнейшем смущении опустить голову, обхватив ногами поясницу Гу Сяошаня.

Фейерверк протянулся над морем, и даже волны отражали его огни. Это было великолепное зрелище, но парочка, находившаяся в месте с лучшим видом, вместо того, чтобы как положено восхищаться им, занималась лишь тем, что раскачивалась на подвесном кресле.

Конечно же, они там не остались.

И вовсе не потому, что боялись упасть, и не потому, что на нем было сложно изменять позы, а по той причине, что нежному и избалованному молодому господину Жэньцзы стало неудобно продолжать заниматься этим, подставляясь всем возможным ветрам.

Под конец Жэньцзы все-таки улегся в постель, закрыл глаза и, укрытый легким летним одеялом, погрузился в глубокий сон. Он основательно обессилел, поэтому заснул моментально. К тому же возле кровати стояла зажженная свеча, испускавшая его любимый аромат - конечно же, ее приготовил не отель, а заранее принес с собой Гу Сяошань.

Как уже упоминалось, Гу Сяошань был из тех людей, которые всегда и ко всему хорошо подготовлены.

<http://bllate.org/book/14820/1320411>